

Аверкина С.Н.^{*1}, Лаггайн Б.^{*2}

**ПАМЯТНИКИ А.С. ПУШКИНУ В ГЕРМАНИИ: КАК ИМЯ
РУССКОГО ПОЭТА ОКАЗАЛОСЬ «ВСТРОЕННЫМ»
В ГДРовский «СОВЕТСКИЙ МИФ»?©**

Аннотация. Статья посвящена истории создания памятников А.С. Пушкину в ГДР и, позднее, в объединенной Германии. Были проанализированы идеологические контексты, повлиявшие на художественные решения скульпторов. Особое внимание уделено первому памятнику Пушкину в Веймаре (городе Гёте и колыбели немецкой классики) в памятный 1949 – год образования ГДР. Было выявлено,

^{*1} *Аверкина Светлана Николаевна* – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (ФГБОУ ВО), Нижний Новгород, Россия; averkina.svetlanalunn@mail.ru

Averkina Svetlana Nikolajevna – DSc in Philosophy, Professor, Leading Researcher at the International Research Laboratory “Fundamental and applied research of aspects of cultural identification” of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia; averkina.svetlanalunn@mail.ru

^{*2} *Лаггайн Барбара* – почетный профессор, старший преподаватель кафедры романо-германских языков, перевода, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (ФГБОУ ВО), Эссен, Германия; lachhein@deutsch-russische-begegnung.de

Lachhein Barbara – Honorary Professor, Senior Lecturer at the Department of Romano-Germanic Languages, Translations, Foreign Literature and Intercultural Communication of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Essen, Germany; lachhein@deutsch-russische-begegnung.de

© Аверкина С.Н., Лаггайн Б., 2025

что история развития Республики плотно переплетается с историей вхождения в идеосферу страны «советского мифа». После падения Берлинской стены возведение памятников поэту знаменовало начало всестороннего сотрудничества, которое, по воле истории, было прервано. Однако памятники Пушкина остаются в сохранности, что связано с глубоким уважением немецкого народа к объектам культурной памяти.

Ключевые слова: культурная память; памятник; исследования памяти (memory studies); идеологическая повестка; советский миф.

Поступила: 01.10.2024

Принята к печати: 04.11.2024

Для цитирования: Аверкина С.Н., Лаггайн Б. Памятники А.С. Пушкину в Германии: как имя русского поэта оказалось «встроенным» в ГДРовский «советский миф»? // Вестник культурологии. – 2025. – № 1(112). – С. 153–174. – DOI: 10.31249/hoc/2025.01.10

Averkina S.N., Lachhein B.

Monuments of A.S. Pushkin in Germany: How the Name of the Russian Poet Turned Out to Be Included in the “Soviet Myth” in the GDR?

Abstract. The article is devoted to the history of monuments to Alexander Pushkin in the GDR and the united Germany. It analyzes the ideological contexts of their creation. Special attention is paid to the first monument to Pushkin in Weimar (the city of Goethe and the cradle of German classics) in the memorable 1949 – when the GDR was formed. It is revealed that the history of the GDR’s development is tightly intertwined with the history of the “Soviet myth” entering the ideosphere of the country. After the fall of the Berlin Wall, the erection of monuments to the poet marked the beginning of comprehensive cooperation period, which has been interrupted by the will of history. However, Pushkin’s monuments remain intact, which is due to the deep respect of the German people for the objects of cultural memory.

Keywords: cultural memory; monument; memory studies; ideological agenda; Soviet myth.

Received: 01.10.2024

Accepted: 04.11.2024

For quoting: Averkina S.N., Lachhein B. Monuments of A.S. Pushkin in Germany: How the Name of the Russian Poet Turned Out to Be Included in the “Soviet Myth” in the GDR? // Herald of Culturology. – 2025. – No.1(112). – P. 153–174. DOI: 10.31249/hoc/2025.01.10

Введение

Поводом для данного исследования послужили, с одной стороны, юбилей А.С. Пушкина, с другой – череда печальных событий в Прибалтике и странах бывшего Восточного блока, где были демонтированы памятники поэту. Толпа разрушала то, что напоминало об общей истории; некоторые протестующие демонстративно выбрасывали книги русских классиков из домов [Лешкович, 2023, Голубева, 2024].

Уничтожение памятников демонстрирует уничтожение памяти, презрение к истории. Однако в Германии случаев вандализма практически не замечено. Здесь к памяти относятся особо: именно в немецкоязычных странах созданы самые крупные в Европе центры изучения данного феномена: «Международный образовательный центр в Дортмунде» (IBV Dortmund), «Центр культуры памяти при университете Регенсбурга», Фонд «Память, ответственность и будущее» (Stiftung EVZ), «Центр изучения Холокоста при Институте современной истории» (Мюнхен – Берлин), Отдел литературы Холокоста при Институте германистики Гисенского университета, «Институт исследования тоталитаризма имени Ханны Арендт» при Дрезденском техническом университете, «Общество имени Роберта Хавемана» (Архив оппозиции ГДР) и др.

Причина очевидна: нацистское прошлое требовало глубочайшего изучения, способного помочь обществу преодолеть коллективную вину (deutsche Schuld) [Rothberg, 2014, S. 123–145]¹. Сегодня, когда в общественном пространстве основные голоса принадлежат уже третьему поколению, не связанному непосредственно с фашистским прошлым, «немецкая вина» воспринимается менее остро. Вместе с тем

«Культура сохранения» (Kultur des Bewahrens) в Германии чрезвычайно высока [Olick, Rodemann, 2010, S. 109–114].

Памятников Пушкину в ФРГ всего шесть, но каждый из них является признанным произведением искусства². Первым и самым знаковым является бюст писателя в Веймаре, городе Гёте. Примечателен год создания – 1949-й, время рождения молодой Германской Демократической Республики. Так Пушкин стал частью формирующегося после войны «советского мифа».

Последним памятником Пушкину, возведенным во время существования ГДР, стал монумент в небольшом городе Гера, открытый в тревожном 1989 г. Было очевидно – страну ожидают большие перемены. Другие памятники появились в ФРГ после объединения.

После распада СССР культурные и экономические отношения между странами начали стремительно развиваться. Немецкие коллеги взяли россиян «на буксир»: были созданы многочисленные общества Русско-немецкой дружбы, начала функционировать система взаимодействия городов-побратимов, установились активные культурные обмены (талантливые студенты и педагоги получали стипендии и право работать в немецких библиотеках). Сформировалось целое поколение «онемеченных» германистов, многие эмигрировали; «бывшие советские девушки» массово выходили замуж за немцев. Но и со стороны жителей ФРГ был замечен искренний интерес к богатейшей русской культуре. Безусловно, это не могло не коснуться личности Пушкина. Образованное в 1987 г. «Немецкое пушкинское общество» (Deutsche Puschkin-Gesellschaft, Bonn), после Объединения Германии переживало настоящий рассвет, ставший возможным во многом благодаря фигуре выдающегося пушкиниста Рольфа Дитриха Кайля (1923–2018), переводчика «Евгения Онегина», поэзии Б. Пастернака и М. Цветаевой, прозы И. Тургенева, трудов Ю. Лотмана («Структуры художественного текста», «Биография А.С. Пушкина»), сонетов У. Шекспира и поэзии Хафиза Ширази [Keil, 1997; Keil, 1999].

В 2014 и 2015 гг. в западной части Германии появляются два памятника, возведенные российскими архитекторами. Однако, прежде чем речь пойдет о каждом из них, хотелось бы уточнить происхождение термина “Denkmal” и уточнить его корневое исконное значение, восходящее к слову-концепту «память».

**Хранить (bewahren) суть «помнить и понимать»
(sich erinnern und be-DENK-en) [Балла, 2019]**

На немецком языке слово «памятник» звучит “DENKmal”. Опрашивая коллег и знакомых в Германии (20 респондентов с высшим образованием), удалось выяснить, что более 50% опрошенных дают ассоциацию со словом «памятник» – статуя Родена «Мыслитель» (на немецком языке название “Der Denker” буквально переводится как «Думатель»; памятник стал воплощением идеи памяти, «памятности»): “denken wir (ein)mal (an jemanden, an etwas)” значит «подумаем=вспомним» (у слова есть два значения) [Etymologisches ...].

В этимологическом словаре немецкого языка находим следующее толкование: Denkmal: griech. Mnemósynon – der “Gedächtnisstütze” (не-что, поддерживающее / сохраняющее память) [ibid]. Слово “Denkmal” состоит из двух корней: глагола «думать», связанного в немецком языке со значениями «чувствовать» и «знать» (denken, verbunden mit fühlen, wissen), что свойственно только данному языку и, соответственно, культуре, и многозначного слова “Mal” в значении «сигнал, знак, знак для воспоминания» (Signal, Zeichen; ein “Zeichen zur Erinnerung”) [ibid].

С XVII в. слово обозначает памятный камень (Gedenkstein), как калька с латинского monumentum = монумент, мемориал (Monument, Mahnmal). Среди немецкой образованной знати все три слова использовались как синонимы; хорошо известна была и ода Горация «К Мельпомене»:

Exegi monumentum aere perennius

Regalique situ pyramidum altius... [Horatius]

(«Я воздвиг памятник, который вековечней бронзы

Он выше царских гробниц. Ему ни ливни не страшны, ни ветер...»)
(перевод мой. – А. С.).

Эта ассоциация снова отсылает нас к поэзии Пушкина. В его переводе ода «Памятник» начинается строками «Я памятник себе воз-

двиг нерукотворный...» [Пушкин, 2008, с. 46]. Эти строки звучат пророчески, более того, в мире существует множество и рукотворных памятников Пушкину: всего их начитывается около 670 (сегодня, возможно, меньше), из них в России, конечно, большая часть – около 300. Безусловно, эстетические достоинства часто невозможно поставить в один ряд с шедеврами уровня А.М. Опекушина. Но эти данные подтверждают стремление к закреплению культурной памяти, причем не только национальной, но и всемирной.

Несмотря на то что метафора «культурная память» достаточно прозрачна и стала часто используемым междисциплинарным термином, она требует дополнительного разъяснения. Наиболее уважаемая и цитируемая исследовательница данного феномена А. Ассман, создавшая вместе с супругом Я. Ассманом (исследователь древних цивилизаций) самую значимую в Германии научную школу, отмечает: «...теория(и) памяти определяется дискурсами, многообразием и междисциплинарностью и сводится, по сути, к культурологическому подходу <...>. Возникает дискуссия о различных транснациональных концептах памяти или этике воспоминаний (свидетельствования), благодаря которым все связанные культурной сетью структуры концептуализируются, создавая форму “коллективной памяти”» (пер. мой. – С. А.) [Assmann, 1992, S. 67]³.

Традиционное определение, принятое в психологии, уточняет значение феномена, важного для осознания собственной идентичности, но вместе с тем и для развития исторической ответственности, осознания социокультурной и национальной идентичности: «память – основополагающая способность воспроизводить прошлое (уровень впечатлений или мыслей) в той или иной измененной форме. Память обладает функциями записи/кодирования (*des Aufnehmens / der Kodierung*), сохранения/удержания (*des Behaltens / der Retention*), извлечения/экфория (*des Abrufens / der Ekphorie*); уже со времен Аристотеля ассоциации и структурирование воспоминаний считаются важнейшим фактором развития человека и человечества. Риторы и философы на этом основании разработали принципы «искусства воспоминания» (*Mnemotechnik*). Следует отметить также, что наряду с индивидуальной памятью существует память коллективная: и у человека есть короткая / коммуникативная память (*Kurzzeit-/ kommunikatives Gedächtnis*) и коллективная (*kulturelles Gedächtnis*), которая представ-

лена медиально (через тексты, монументы). Как для индивидуума, так и для сообществ память имеет функцию обеспечения непрерывности и осознания собственной идентичности (*kontinuitäts- und damit identitätsstiftende Bedeutung*)» [Harth, 1991].

Сохранение памяти о Пушкине значило для западных немцев нечто другое, но тоже максимально связанное с «советским мифом». Безусловно, существовало преклонение перед мифологемой чести, определившей образ поэта на Западе, но часто с его творчеством связывали «темную эстетику тяги к смерти» (Ханзен-Лёве А. в статье «От Пушкина к Чехову» (2007) и Шмид У. в книге «Забытый угловой камень» (2007)), демоническую игру со стихией власти (Заславский О.Б. «Магический шаблон. О “Станционном смотрителе” (2007) А.С. Пушкина»), иррациональность ($2 + 2 = 5$ – формула Ингольда, характеризующая всю русскую литературу) [Hansen-Löve, 2007, S. 7–78; Заславский, 2007; Schmid, 2007; Ingold, 2016]⁴. Можно предположить, что восприятие Пушкина вышло из идеологизированного поля только после переформатирования мировой политической системы, а памятники поэту, созданные до 1990 г., являются своего рода памятниками прошлому страны.

Аппо 1949. «Словесный памятник» Пушкину

Итак, в рамках пушкинских юбилейных торжеств в ГДР, которые проходили чуть ли не пышнее, чем гётевское 200-летие, 27 ноября 1949 г. был открыт самый известный памятник поэту, выполненный скульптором Йоханесом Фридрихом Рогге, – бюст Пушкина, отлитый из бронзы, на высоком постаменте из ракушечника⁵. Власти преследовали несколько целей: с одной стороны, это стало материальным утверждением идеи братской дружбы советского и немецкого народов, с другой – доказательством того, что русская армия не препятствует развитию страны, а напротив, активизирует культурную жизнь новообразованной Республики⁶. Постамент расположен в углу знаменитого парка – *der Park am Flüsschen Ilm*, недалеко от башни, возвышающейся над библиотекой памяти Анны Амалии (*Bücherturm der Anna-Amalia-Bibliothek*) напротив дома Шарлотты фон Штайн, аристократки и интеллектуалки, которая долгие годы была собеседницей и музой Гёте.

Все в этом проекте символично: в городе великого Гёте встречаются два главных поэта Германии и России; пускай не лично, но в поле «культурной памяти», и происходит это в год рождения Республики.

О диалоге Гёте и Пушкина написано очень много (Аверинцев С.С., Алексеев М.П., Бароти Т., Данилевский Р.Ю., Доманский Ю.В., Клуге Р.Д., Эпштейн М.Н. и др.) [Аверинцев, 1999, с. 189–198; Алексеев, 1979, с. 80–97; Бароти, 1996, с. 65–81; Данилевский, 1999. Доманский, 2011, с. 141–150; Kluge, 1998, S. 45–64; Тиме, 2001, с. 265–273; Федоров, 1999, с. 164–165; Эпштейн, 1981, с. 89–110]. Гёте слышал о Пушкине от друзей-писателей, в отличие от невыездного Пушкина путешествовавших по Европе. В библиотеке Пушкина были книги немецкого писателя, у Гёте хранились переводы из Пушкина на французский язык [Алексеев, 1979, с. 83]. Кроме того, в Германии чрезвычайно популярным был анекдот о передаче Гёте Пушкину пера с надписью-пожеланием (перо не найдено – скорее всего, это апокриф, но плотно вошедший в культурное сознание немцев), свидетельством чему являются памятники Пушкину в Йене и Гёте, где разыгрывается этот мотив.

О рецепции Пушкиным творчества старшего коллеги также сказано много, в частности, наиболее значимыми представляются работы об интерпретации Пушкиным трагедии «Фауст». Известно, что со «Сценой на пляже» Гёте познакомил В.К. Кюхельбекер, сделав подстрочный перевод текста [Данилевский, 1999]. Немецкий классик высоко оценил реплику русского гения.

Пушкин упоминает Гёте в письмах, а также в текстах. Например, в «Евгении Онегине» есть строка о Ленском, вернувшемся из «Германии туманной», воспитанный гейдельбергской книжностью и «Гё’т[э]» («...Он с лирой странствовал на свете / под небом Шиллера и Гёте...») (в произношении имени Goethe скользит ирония поэта, показывающего наивность поверхностного романтизма молодого соседа Онегина) [Пушкин, 1960, т. 4, с. 39].

Однако, хотелось бы остановиться на отмеченных С.С. Аверинцевым принципиальных типологических сходствах, позволяющих угадать в обоих писателях гениев уровня Данте, Шекспира, Сервантеса, важных для формирования культурных скреп, определяющих ход развития мировой литературы. Аверинцев ссылается на Т. Манна, отметившего в «Предисловии к русской антологии», что Пушкин не только

«Гёте Востока», а универсальный гений: «Если бы меня спросили, кого люблю я больше всех гениев поэзии и кого бы я выбрал, если бы я должен был назвать из них только шестерых или даже только четырех, я бы никогда не забыл имени Пушкина. Я целиком согласен с Толстым, который писал: “Сделайте мне дружбу – прочтите сначала все повести Белкина. Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не могу вам передать того благотворительного влияния, которое имело на меня это чтение. Благотворительное”» [Манн, 1953, цит. по: Толстой, Т. 62, с. 22].

Аверинцев выделяет следующие общие черты личности и творчества писателей:

- универсализм, принадлежность к «всемирной литературе»;
- равное внимание к Западу и Востоку и стремление к созданию духовного равновесия в понимании феномена мировой культуры;
- онтологический размах творчества [Аверинцев, 1999, с. 189–198].

Итак, благодаря «веймарскому проекту» имена двух классиков были поставлены в один ряд: 1949 г. стал отправным моментом «социалистической литературной легенды» молодого государства.

1949 г. – символическая точка поворота восточных немцев в сторону СССР и всего социалистического блока. Этот год должен был определить идеологический путь страны: для этого создавались специальные структуры, контролирующие печать, образование, библиотечное и издательское дело, народное просвещение. Такими структурами стали: «Культурбунд» (Kulturbund der DDR, 1945–1990) под предводительством Иоганнеса Бехера – союз творческой интеллигенции, отдел СКК (Советская контрольная комиссия, нем. Sowjetische Kontrollkommission, просуществовавшая с 1949 г. до восстания 1953 г.⁷, совпавшего со смертью Сталина) и культурный отдел Посольства СССР в ГДР. Примечательно, что коменданта СКК, а позднее чрезвычайного полномочного посла СССР в ГДР, звали Георгий Максимович Пушкин⁸. Долгие годы он работал в посольствах Китая, Словакии, Венгрии. Был заместителем руководителя МИД. После доклада Н. Хрущеву о положении дел в ГДР был понижен в должности и занимался бумажной работой.

Под пристальным контролем указанных структур проходили мероприятия в рамках года писателя:

– В издательстве *Aufbau* вышло Собрание сочинений А.С. Пушкина (избранное) в 4 т. под редакцией знаменитого переводчика и слависта Иоганнеса фон Гюнтера⁹.

– В признанных министерством печати журналах и газетах печатались и перепечатывались статьи о Пушкине, включая работы советских литературоведов в немецких переводах [Шелингер, 1958, с. 459–469].

– В оперных театрах ставили «Бориса Годунова» и «Моцарта и Сальери»¹⁰; была подготовлена радиопостановка «Каменного гостя», которая часто повторяется по радио. «Евгений Онегин» П.И. Чайковского звучал по всей Германии.

– Было образовано «Общество изучения культуры Советского Союза».

Торжественное открытие пушкинского проекта состоялось в Берлине, Дрездене, Веймаре, Шверине и других городах. В столице с программной речью выступил обер-бургомистр Берлина Эберт, а на специальном заседании немецкой Академии наук Берлинского университета с докладом «Пушкин в Германии в XIX веке» – профессор М. Вольтнер.

Также пушкинскими назвали ряд улиц и площадей: Эрфуртская площадь в Дрездене была переименована в Пушкинскую. Центральная Трептов-аллея Берлина получила имя аллея Пушкина [Шелингер, 1958, с. 461]. Называя знаковое место именем писателя, власти подразумевали, что оно войдет в культурное сознание людей и поможет быстрее усвоить новые идеологемы.

Уже в марте был сформирован юбилейный пушкинский комитет. В него вошли (сошлемся на Шелингера): «А. Абуш, Ст. Хермлин, Г. Иеринг, Б. Кайзер, Ю. Кучинский, Г. Роденберг, А. Цвейг, а также представители различных общественных организаций» [Шелингер, 1958, с. 461]. Собрание было достаточно «пестрым», история каждого из них многое говорит о политической структуре ГДР¹¹. Работой комитета руководила А. Зегерс, не как пушкинистка, а по совокупности заслуг [Шелингер, 1958, с. 461].

Предстояло сформировать образ аполлонийца, который будет, в определенном смысле, патронировать сферу духовной культуры ГДР. Суммируя идеи, выраженные в докладах, тщательно отобранных

для торжественного заседания 7 июня и для печати, перечислим основные мифологемы, связанные с именем автора «Пророка».

1. Пушкин светел и «благодетелен» (Т. Манн) [Mann, 1953, с. 22]. Его творчество выражает полную меру счастья. Он – Моцарт русской культуры.

2. Пушкин и народен, и европеец во всем, подобно Гёте, сочетавшему классицистичность и самобытность [Манн, 1953, с. 265–266].

3. Пушкин не Байрон; идея, выраженная вслед за Фарнгагеном фон Энзе (1785–1858), одним из первых переводчиков и популяризаторов поэта (см. «От Пушкина до Горького» (1949) Э. Фабиана, «Александр Пушкин. “Педагогика”» (1949) Г.В. Лембрука, «Пушкин и мировая литература» (1949) В. Кауля [Fabian, 1952; Lehmbruck, 1949, S. 44–47; Kaul, 1949, S. 12–13]).

4. С возрастом Пушкин не стал монархистом и не примирился с николаевским самодержавием, а скрывал и сдерживал бунтарство, которое проявилось с новой силой в его письмах, сказках, поздних повестях (см. «Явление Пушкин: с 1999 до 1937» Г. Штейнера и «Пушкин и Гёте. Сегодня и завтра» В. Бределя [Steiner, 1949, S. 241–246; Bredel, 1949, S. 339–343])¹².

5. Пушкин, имеющий африканские и эфиопские корни, являет собой пример истинного интернационального духа.

Многие выступления заканчивались фразами-лозунгами, которые впоследствии многократно цитировались и тиражировались, доводя идеи ораторов до абсурда:

– «Тот, кто в состоянии постичь творения Пушкина или творения Гёте, кто со всей ясностью и логикой осмысливает до конца идеи, заложенные в их произведениях, не может не быть на стороне людей, отстаивающих дело дружбы народов и мира, – на стороне народов Советского Союза, на стороне партии большевиков...» (прозаик, поэт, министр культуры (1954–1958), президент Академии искусств (1953–1958), автор гимна ГДР И. Бехер [Бехер, 1951, с. 58]).

– «Мы чествуем Гёте и Пушкина, потому что Фауст и Борис Годунов, Эгмонт и Онегин, Ифигения и Татьяна были не только типическими образами своей эпохи, но и помогают нам сейчас в нашем стремлении откопать человека из грязи последних лет и сделать его снова мерой вещей» (Г. Лейтеритц [Leuteritz, 1949, S. 304]).

– «Немецкий народ в своей борьбе за единство и мир видит в Пушкине своего могучего друга и помощника, который некогда воскликнул: «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!» (Г.Г. Купфершmidt [Kupferschmidt, 1954, S. 510]).

ГДРовский коммунизм модифицировался, пережил вредные метаморфозы. В «словесном памятнике» Пушкину еще в 1949 г. отчетливо обнаружились черты формализма, приспособленчества, искажения идей, верноподданничества и вульгаризации многих прекрасных начинаний, которые впоследствии и станут одной из причин разрушения режима.

От Козвига до Дюссельдорфа

Еще один прекрасный памятник поэту находится в Йене, в Тюрингии, на Пушкинской площади (предположительно, скульптором был Эрнеманн Зандер (1925–2020)). Зандер закончил работу в 1950 г., через год после возвращения из плена. Впоследствии скульптор переехал в Бонн. Его наследие отмечено многочисленными премиями и знаками отличия. Пушкинский проект он многократно вспоминал в своих дневниках и записях, как один из самых любимых. Примечательна надпись на нем:

Alexander Puschkin

Was ich mich auch sonst erkühnt
Jeder würde froh mich lieben
Hätt ich treu und frei geschrieben
All das Lob das du verdient
Goethe an Puschkin

Александр Пушкин

Что же еще меня будоражит
Я открыт любви каждого
Если б писал я так свободно и точно
Этих похвал достоин ты
Гёте Пушкину

После «пушкинского бума» 1949-го ни памятников, ни бюстов поэта больше не возводилось. И, словно «под занавес», 4 октября 1989 г., когда речи в честь будущего ГДР звучали вяло и фальшиво, в городке Гера – сателлите Йены – был открыт памятник Пушкину, спутнику угасающей Республики: поэт стоит на постаменте на улице 7 Октября (сегодня Дворцовая улица / Schlossstraße).

Бургомистр Хорст Егер произнес торжественную речь, а скульптор Анатолий Андреевич Скнарин (1940–2020)¹³ из города-побратима Ростова-на-Дону пояснил концепцию скульптуры.

Работа над созданием памятника велась почти два года в мастерской Герневиц в сотрудничестве с немецкими коллегами в пригороде Геры. Первоначально Шнарин видел Пушкина одним из жителей города, прогуливающимся по улице в цилиндре, словно сливаясь с прохожими, но у немцев это вызывало ассоциацию с трубочистом, одетым в традиционную одежду, обычно испачканную золой. Пришлось, как и в случае с Йеной (памятник Зандера 1950 г.), остановиться на сюжете о подаренном Гёте перо. Пушкин держит его в одной руке, в другой – бумагу для записей, что должно было подчеркнуть связь двух культур через двух великих поэтов.

Дата открытия другого известного памятника также символична. Пушкин словно сопровождает всю историю советско- и русско-немецких отношений. Событие состоялось 24 сентября 1994 г. в Хемере, пригороде Дюссельдорфа, когда последний русский солдат покинул бывшие казармы ГДР.

Памятник (скульптор Григорий Викторович Потоцкий¹⁴, р. 1954) – подарок города-побратима Щелково. Бургомистр Клаус Бурда и мэр Николай Петрович Пашин сняли покров с бронзового памятника на метровом гранитном постаменте и провозгласили начало совершенно новой эры отношений между нашими странами, пережившими слом, но уверенными в серьезных перспективах. С горечью можно вспомнить об этом оптимизме.

Бюст Пушкина в Дюссельдорфе, столице богатейшей земли Северный Рейн – Вестфалия (NRW) – подарок города-побратима Москвы (с 1992). В 1994 г. рейнцы преподнесли мэру Москвы Юрию Михайловичу Лужкову бюст Генриха Гейне, а два года спустя бургомистру Марлиеси Смит был подарен грандиозный по размерам бюст русского классика (1,60 м высотой, 95 см шириной, весом 200 кг.: скульптор Юрий Львович Чернов¹⁵, 1935–2009). Бюст расположен у Центра экономики (Haus der Wirtschaft) рядом с Немецко-русским торговым центром, непосредственно у станции метро «Торговый центр / Московская улица» (Handelszentrum / Moskauer Straße), напминающей роскошные столичные станции подземки.

Заключение

Закончить следует рассказом о знаковом событии, которое состоялось 8 ноября 2018 г. в Берлине в «Русском доме науки». В этот день Анна Франциска Шварцбах (р. 1949, ровесница ГДР, архитектор, скульптор, специалист по портретной пластике) представила зрителям бюст Пушкина, выполненный по поручению Пушкинского общества как жест доброй воли к дальнейшему культурному и экономическому сотрудничеству.

Ее Пушкин навеян рисунками самого поэта: пометками на полях и автопортретами и творчеством художника Оноре Домье (Honoré Daumier, 1808–1879). Как-то в Кемнице художница увидела автопортреты французского живописца, после чего и возник окончательный образ «Пушкина с длинной шеей» (Puschkin mit dem langen Hals) [Philipsen, Bauer-Friedrich, 2022]¹⁶.

6 июня 2019 г. в рамках 220-летнего юбилея поэта на духовной родине Пушкина, в Михайлово, встретились представители Немецко-го общества Пушкина, создательница бюста А.Ф. Шварцбах, представитель Министерства культуры РФ и Пушкинского национального парка. Скульптор передала в музей-усадьбу еще одну свою работу, посвященную русскому классику. Это было последней высокой точкой культурного диалога между государствами. Юбилей с 2024 г. в Германии не празднуется (см.: Die Redaktion von Kulturportal Russland).

Примечания

¹ Основополагающей работой, посвященной проблеме «немецкой вины» и ее преодоления / переосмысления (*Bewältigung / Aufarbeitung der Vergangenheit*) является статья немецкого философа и социолога Теодора Адорно «Что значит “проработка прошлого”?» (1963) [Адорно, 2005, с. 36]. Он ставит вопрос о неприемлемости мысли о том, что вину можно «стереть из памяти», что стоит «подвести черту» под недавним немецким прошлым. Следующие поколения исследователей, работающих в русле *memory studies* (1970–1980-е гг., так называемая вторая волна), предложат новый термин «культура памяти / воспоминаний» (*Erinnerungskultur*), который сначала стал предметом общественно-политической дискуссии, а в 80-е годы XX столетия вошел в немецкоязычный научный дискурс [Cornelißen].

² Примечательно, что первый памятник Пушкину был открыт не в России, а в Риме. Он был возведен по поручению пламенной почитательницы поэта княгини Зинаиды Волконской недалеко от ее итальянского поместья.

³ Работы А. и Я. Ассман составили основу современных *memory studies*, у истоков создания которых еще в 20-е годы XX столетия стояли М. Хальбвакс М. и А. Варбрук, представители первой волны учения [Мясникова 2022, с. 82–92]. Хальбвакс отмечает, что «воспоминания распределяются по большому или малому сообществу, становясь его частичными отображениями» [Хальбвакс, 2007, с. 28]. Так, по его мнению, общество существует в «социальных рамках памяти». Другие ученые, например А. Хюссен, уделяют большее внимание выражению «культурной памяти», представленной вполне материально: памятниками, мемориальными комплексами, памятными плитами и др. [Huysen, 2000, p. 21–38]. Культурная память исследуется также историографами, изучающими «процесс памяти и ее подтекст» [Nora, 2002; Terdiman, 1993], культурологами, изучающими ее объекты, и филологами, изучающими ее влияние на художественное сознание [Stewart, 1993, с. 132–151; Лотман, 1992, с. 200–202; Fliedl, 1995, S. 447–476]. Все ученые подчеркивают взаимовлияние памяти и реальности: настоящее определяет наше понимание прошлого, а прошлое влияет на наше поведение в настоящем [Assman, 1992].

⁴ Проф. Й.Ф. Рогге (1898–1983), изучавший в университете естественные науки, филологию, историю, литературу, по которой защитил диссертацию, обратился к живописи в 1930 г. и быстро приобрел успех.

⁵ На Большой берлинской художественной выставке его статуя танцовщицы Мери Вигман была высоко оценена критиками. Однако судьба долго испытывала талантливого скульптора: заказов было мало, и Рогге пришлось работать строителем дорог, а затем портретистом политиков III рейха, чтобы содержать себя и тяжелобольную мать. Лишь после окончания войны он снова вернулся в искусство. Бюст Пушкина сделал его знаменитым.

⁶ ГДР образовалась 7 октября, ФРГ – 27 мая.

⁷ Отчет о волнениях в ГДР 1953 г., представленный Эммой Бест, выложен в открытом доступе архива ЦРУ и организаций партнеров, курировавших проект (General CIA Records, RIPPUM ME, CIA, Central Intelligence Agency). Weekly Report N 46 Assessment and Evolution Staff 11–17 November 1953. URL: <https://archive.org/details/CIA-RDP55-00037A000200020004-0>.

⁸ В Биографии Г. Пушкина есть следующие графы: с 1931 г. он был сотрудником плановых органов Сибири, с 1940 по 1941 г. – являлся полномочным представителем, чрезвычайным и полномочным послом в Словакии. 1942–1944 гг. провел в Урумчи (Китай) в должности генерального консула СССР. С 1944 по 1945 г. работал советником контрольной комиссии в Венгрии, а с 1945 по 1949 г. был послом СССР в Будапеште. С интересующего нас 1949 по 1952 г. служил Чрезвычайным Полномочным послом СССР в ГДР, затем вернулся на родину, где работал заместителем министра МИД, после смерти Сталина заведующим Отделом стран Среднего и Ближнего Востока. В конце жизни вернулся в Германию и с 1955 г. служил верховным комиссаром СССР в ГДР, а затем – снова в должности Чрезвычайного и Полномочного посла СССР в ГДР.

⁹ После войны публиковались лишь отдельные произведения Пушкина: в 1946 г. вышло несколько сборников стихов, в 1947 г. – «Дубровский», «Выстрел», «Капитанская дочка», «Евгений Онегин», в 1948 г. – «Повести Белкина», «Сказка о царе Салтане», сборники стихов. Данные сведения представлены в брошюре Ирмгардена

Штраля «Гоголь, Пушкин и Чехов» (1955). Согласно Штралю, на долю Гоголя за всю историю изучения русской классической литературы в Германии пришлось 79 переводов, на долю Пушкина – 183, Чехова – 124. Цифры говорят сами за себя.

¹⁰ Пушкина пришлось открывать заново. До 1949 г в Германии ставился только «Каменный гость» (в 1932 и в 1947 гг.). Ганс Вернер (Рихтер), будущий великий основатель немецкоязычной литературной «Группы 47», упрекал народ «поэтов и мыслителей» в том, что они не знали Пушкина. «Мы едва знаем Пушкина и сейчас!» – согласился с Рихтером писатель, сатирик, журналист Эрих (Кестнер) Фабиан [Fabian, 1952, с. 42].

¹¹ Александр Абуш – политик, писатель, публицист, член Германской академии наук. Во время войны он, еврей по происхождению, коммунист по убеждениям, бежал во Францию, затем Мексику и был одним из страстных руководителей сопротивления; Стефан Херmlin – писатель, поэт, переводчик. В ранние годы жил в Палестине, Франции, Швейцарии. Участвовал в движении «Свободная Германия». В 1945 г. начал работать на радио во Франкфурте-на-Майне, но в 1947 г. переехал в Восточный блок. В составе делегации немецких деятелей культуры посетил СССР. С 1950 г. состоял членом Академии наук. С 1953 по 1956 г. в рамках литературного круиза посетил 25 стран, представляя ГДР. В 70-е годы выражал протесты против подавления восстаний в Чехословакии. Считался кристально чистым борцом за справедливость; Герберт Иеринг – театральный и литературный критик. В молодости был обозревателем «Фольксбюне» в Вене. В период Веймарской республики поддерживал все авангардные театральные течения. Какое-то время оставался в фашистской Германии на ведущих позициях и стал прототипом главного героя романа К. Манна «Мефисто». После войны возглавил литературную часть Немецкого театра. Стал членом Академии наук; Бруно Кайзер – ученый-марксист, специалист по германистике. В ГДР прославился как выдающийся библиотекарь; Юрген Кучинский – немецкий экономист и историк, советский разведчик; Ганс Роденберг – переводчик, актер, театральный режиссер, кинопродюсер, педагог. С 1932 по 1947 г. жил и работал в СССР. Широко известен в мире как главный директор студии художественных фильмов ДЕФА; Арнольд Цвейг – известный писатель; в юности – последователь Ницше, друг Зимунда Фрейда, Лиона Фейхтвангера, почитатель К. Маркса. В 1933 г. отправился через Европу в Палестину, жил в Хайфе. После войны состоял в переписке с Марином Бубером. Цвейг играл огромную роль в политической иерархии: с 1949 по 1968 г. был депутатом Народной палаты ГДР, с 1950 по 1953 г. – президентом. Он был лауреатом Ленинской премии, Национальной премии ГДР, руководителем Германской академии искусств, затем ее почетным президентом. Был орденоносцем (Орден за заслуги перед Отечеством); Анна Зегерс, наряду с Кристой Вольф, – одна из самых ярких писательниц послевоенной эпохи, член всемирного совета мира и председатель Союза немецких писателей (1958–1978), член Немецкой академии искусств.

¹² В. Бредель – немецкий писатель и общественный деятель, с 1950 г. президент Берлинской академии искусств, член ЦК СЕПГ, вице-президент Общества германо-советской дружбы.

¹³ Художественный дар А.А. Скнарина неоспорим. После него осталось огромное наследие: памятники А.В. Суворову, В.П. Чехову, В.С. Высоцкому и т.д.

¹⁴ Скульптуры Потоцкого выставлены в музеях Москвы и Санкт-Петербурга, в частных коллекциях на всех континентах. В Китае, Маниле и Гане находятся выполненные им пушкинские бюсты.

¹⁵ Ю.Л. Чернов, член Академии искусств; автор памятников Александру Невскому в Новгороде, Льву Толстому в Канаде, Индии и Японии, Юрию Гагарину в Москве и Оренбурге. Его работы представлены в Третьяковской галерее, Русском музее, в выставочных пространствах других стран.

¹⁶ Домье создает особый тип автопортрета, выходящий за рамки принятого в классицизме образца. Лицо художника буквально вырастает, импрессионистически, спонтанно, из грубого, колоннообразного торса. Какая-то незавершенность пластики становится предвестником будущих форм скульптуры. Лишь десятилетие спустя Роден назовет эту технику *Non-finito* (букв. с *итал.* «незавершенный»).

Список литературы

Аверинцев С.С. Гёте и Пушкин // Новый мир. 1999. – № 6. – С. 189–198.

Адорно Т. Что значит «проработка прошлого»? // Неприкосновенный запас. 2005. – № 2–3. – С. 36–45.

Алексеев М.П. К «Сцене из Фауста» Пушкина // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкинская комиссия, 1979. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение. – С. 80–97.

Балла О. Помнить и понимать. Эссеистика, микроэссеистика, дневники, записные книжки, ФБ-записи, проза «промежуточных» жанров в периодике второй половины 2018 – первой половины 2019 года. Часть II: тексты о времени // Знамя. 2019. – № 6. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2019/6/pomnit-i-ponimat.html>

Банкенбург Э. Люстрация и «отлучение от профессии» после падения восточногерманского тоталитарного режима // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. – № 4 (29). – С. 29–36.

Бароти Т. «Сцена из Фауста» Пушкина и ее гётевский подтекст // Сборник статей в честь 60-летия профессора В.М. Марковича / под ред. Л.Б. Муратова и П.Е. Бухаркина. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – С. 65–81.

Бехер И. Выступление на торжественном заседании общего собрания Академии наук СССР 7 июня 1949 года // А.С. Пушкин. 1799–1949 // Материалы юбилейных торжеств. – Москва ; Ленинград, 1951. – С. 58–61.

Голубева А. В Украине разрешили демонтировать памятники Пушкину. 2024. – URL: <https://www.svoboda.org/a/v-ukraine-razreshili-demontirovatj-pamyatniki-pushkinu-i-tyad-drugih/32680511.html>

Данилевский Р.Ю. Пушкин и Гёте = Puschkin und Goethe: Сравнительное исследование. – Санкт-Петербург : Наука, 1999. – 287 с.

Доманский Ю.В. «Сцена из Фауста»: специфика событийности в пушкинском тексте и в телеинтерпретации М. Швейцера // Новый филологический вестник. 2011. – № 4. – С. 141–150.

Заславский О.Б. Магический шаблон. О «Станционном смотрителе» А.С. Пушкина // Wiener Slawistischer Almanach. – Bd. 48. – München, 2007. – S. 7–19.

Лешкович Я. В Риге убрали памятник русскому поэту Пушкину // Новая газета. «Балтия». 2023. – URL: <https://novayagazeta.ee/articles/2023/05/30/v-rige-ubrali-pamiatnik-russkomu-poetu-aleksandru-pushkinu-poka-pamiatnik-otpravili-na-sklad-news>

Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн, 1992. – Т. 1 – С. 200–222.

Манн Т. Искусство романа / цит. по: письмо Л.Н. Толстого к П.Д. Голохвастову от 10 апреля 1873 года // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений, Т. 62 : Письма. – Москва : Гослитиздат, 1953. – С. 22.

Мясникова К.А. Феномен Erinnerungskultur в Германии: становление, история развития, актуальное состояние // Культура и цивилизация. 2022. – Том 12. – № 1А, – С. 82–92. – DOI: 10.34670/AR.2022.57.95.009

Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах / под общей ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1960. – Т. 4. – 595 с. (С. 39).

Пушкин А.С. Стихотворение; Руслан и Людмила; Сказка о спящей царевне и семи богатырях. – Москва : АСТ : Астрель. 2008. – 141 с. (С. 46).

Тиме Г.А. Гёте, Пушкин и русская мысль: Амбивалентность фаустовского импульса в русской литературе // A.S. Puškin und die kulturelle Identität Rußlands. – Frankfurt am Main, 2001. – S. 265–273.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 62 : Письма. – Москва : Гослитиздат, 1953. – 572 с.

Федоров Ф.П. Смена культурных кодов, или Гёте в сознании Пушкина // Пушкин и мировая культура. – Москва : МГУ, 1999. – С. 164–165.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 с.

Шелингер Н.А. Пушкин в немецкой демократической печати (1945–1955) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 2. – Москва : Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. – 523 с.

Эпштейн М. Фауст на берегу моря (Типологический анализ параллельных мотивов у Пушкина и Гёте) // Вопросы литературы. 1981. – № 6. – С. 89–110.

Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. – München : Beck, Cop., 1992. – 344 S.

Bredel W. Puschkin und Goethe // Heute und Morgen. 1949. – N 6. – S. 339–343.

Cornelißen C. Erinnerungskulturen, Version: 2.0. – URL: https://docupedia.de/zg/Erinnerungskulturen_Version_2.0_Christoph_Cornelißen
Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. – URL: <https://www.dwds.de/wb/etymwb/Denkmal>

Fabian E. Von Puschkin bis Gorki. – Schwerin, 1952. – 248 S.

Fliehl K. Politik und Gedächtnis. Nachwort // Arthur Schnitzler. Der Weg ins Freie. – Salzburg : Residenzverlag, 1995. – S. 447–476.

Gedächtnis. – Frankfurt am Main : Schmidt J. (Hrsg.), 1991. – 18 S.

Hansen-Löve A.–A. Grundzüge einer Tanatopoetik. Russische Beispiele von Puškin bis Čechov // Wiener Slawistischer Almanach. – Bd. 60. – München. 2007. – S. 7–78.

Harth D. (Hrsg.). Die Erfindung des Gedächtnisses. – Frankfurt am Main, 1991. – 172 S.

- Horatius Q.F.* Carmina (Horatius)/ Liber III /Carmen XXX. – URL: [https://la.wikisource.org/wiki/Carmina_\(Horatius\)/Liber_III/Carmen_XXX](https://la.wikisource.org/wiki/Carmina_(Horatius)/Liber_III/Carmen_XXX)
- Huyssen A.* Present Pasts: Media, Politics, Amnesia // Public Culture. 2000. – P. 21–38.
- Ingold F.P.* Über die seltsame Arithmetik der “russischen Seele”. Zwei mal zwei gleich fünf // Neue Zürcher Zeitung, 2016 (von 10.01.2016).
- Kaul W.* Puschkin und die Weltliteratur // Rolland von Berlin. 1949. – N 23, – P. 12–13.
- Keil R.-D.* Mit Adenauer in Moskau. Erinnerungen eines Dolmetschers. – Bonn : Bouvier, 1997. – 144 S.
- Keil R.-D.* Puschkin: Ein Dichterleben. Biographie. – Frankfurt am Main und Leipzig : Insel Verlag, 1999. – 466 S.
- Kluge R.-D.* Aleksandr Puškin und Goethes “Faust” // Alexander Puschkin / Hrsg. U. Lange-Brachmann. – Baden-Baden, 1998. – S. 45–62.
- Kupferschmidt H.G.* A.S. Puschkin in Deutschland // Börsenblatt für den deutschen Buchhandel. 1954. – N 23. – S/ 510.
- Lehmbruck G.W.* Alexander Puschkin // Pädagogik. 1949. – N 5. – S. 44–47.
- Leuteritz G.* Alexander Puschkin und die Gegenwart // Die Arbeit. – Berlin, 1949. – N 7. – S. 304.
- Nora P.* The Reasons for the Current Upsurge in Memory. Transit. Europäische Revue 22, 2002.
- Olick J.-K., Rodemann J.* Das soziale Gedächtnis // In: Gudehus Ch., Eichenberg A. und Welzer H. (Hrsg.): Gedächtnis und Erinnerung. Ein interdisziplinäres Handbuch. – Stuttgart, Weimar, 2010. – S. 109–114.
- Philipsen B.-Fr.* Christian Philipsen, Thomas Bauer-Friedrich (Hrsg.): Anna Franziska Schwarzbach. – Sandstein, Dresden, 2022. – 200 S.
- Rothberg M.* Multidirectional Memory in Migratory Settings: The Case of Post-Holocaust Germany // In: Cesari de Ch., Rigney A. (Hrsg.) Transnational memory. Circulation, articulation, scales. – Berlin. 2014. – S. 123–145.
- Schmid U.M.* Verschütteter Eckstein. // Neue Zürcher Zeitung. 20.12.2007 – URL: https://www.nzz.ch/verschuetterter_eckstein-1.601347
- Steiner G.* Die Erscheinung Puschkin 1799 bis 1837 // Urania. 1949. – N 7. – P 241–246.
- Stewart S.* Objects of Desire. Part I: The Souvenir, On Longing: Narratives of the Miniature, the Gigantic, the Souvenir, the Collection. – Durham; London; Duke : University Press, 1993. – 232 p.
- Terdiman R.* Historicizing Memory, Present Past: Modernity and the Memory Crisis. – Ithaca : Cornell University Press, 1993. – 412 p.

References

- Averintsev, S.S. Gete i Pushkin [Goethe and Pushkin]. In *Novyi mir*, no. 6, 1999, pp. 189–198. (In Russ.)
- Adorno, T. Chto znachit «prorabotka proshlogo»? [What does “working through the past” mean?]. In *Neprikosnovennyi zapas*, no 2–3, 2005, pp. 36–45. (In Russ.)
- Alekseev, M.P. K «Stsene iz Fausta» Pushkina. [„Scenes from Faust“ by Pushkin]. In *Vremennik Pushkinskoi komissii/ AN SSSR. OLYA. Pushkinskaya komissiya* [Temporary

worker of the Pushkin Commission/ Academy of Sciences of the USSR. OLYA. Pushkin Commission], 1979. – Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ. pp. 80–97. (In Russ.)

Balla, O. Pomnit' i ponimat'. Ehsseistika, mikroehsseistika, dnevniki, zapisnye knizhki, FB-zapisi, proza «promezhutochnykh» zhanrov v periodike vtoroi poloviny 2018 – pervoi poloviny 2019 goda. Chast' II: teksty o vremeni [Remember and understand. Essays, micro-essays, diaries, notebooks, FB records, prose of „intermediate” genres in the periodicals of the second half of 2018 – the first half of 2019. Part II: Texts about time]. In *Znamya*, no. 6, 2019. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2019/6/pomnit-i-ponimat.html> (In Russ.)

Bankenburg, E.H. Lyustratsiya i «otluchenie ot professii» posle padeniya vostochnogermanskogo totalitarnogo rezhima [Lustration and “excommunication from the profession” after the fall of the East German totalitarian regime]. In *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeiskoe obozrenii*, no. 4 (29). 1999, pp. 29–36. (In Russ.)

Baroti, T. «Stsena iz Fausta» Pushkina i ee getevskii podtekst [“Scene from Faust” and its Goethe subtext]. In *Sbornik statei v chest' 60-letiya professora V. M. Markovicha / pod redaktsiei L.B. Muratova i P.E. Bukharkina* [Collection of articles in honor of the 60th anniversary of Professor V.M. Markovich / edited by L.B. Muratov and P.E. Bukharkin]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 1996, pp. 65–81. (In Russ.)

Bekher, I. Vystuplenie na torzhestvennom zasedanii obshchego sobraniya Akademii nauk SSSR 7 iyunya 1949 goda [Speech at the solemn meeting of the General Meeting of the USSR Academy of Sciences on June 7, 1949. In the book A.S. Pushkin. 1799–1949]. In *Materialy yubileinykh torzhestv*. Moscow; Lenintrad, 1951, pp. 58–61. (In Russ.)

Golubeva, A. V Ukraine razreshili demontirovat' pamyatniki Pushkinu [In Ukraine, it was allowed to dismantle monuments to Pushkin]. URL: <https://www.svoboda.org/a/v-ukraine-razreshili-demontirovatj-pamyatniki-pushkinu-i-ryad-drugih/32680511.html>

Danilevskii, R.Yu. Pushkin i Gete: Sravnitel'noe issledovanie [Pushkin and Goethe: A comparative study]. Saint Petersburg : Nauka Publ., 1999. 287 p. (In Russ.)

Domanskii, Yu.V. «Stsena iz Fausta»: spetsifika sobytiinosti v pushkinskom tekste i v teleinterpretatsii M. Shveitsera [“The scene from Faust”: the specifics of eventfulness in the Pushkin text and in the TV interpretation of M. Schweitzer]. In *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 4, 2011, pp. 141–150. (In Russ.)

Zaslavskii, O.B. Magicheskii shablon. O «Stantsionnom smotritеле» A.S. Pushkina [The magic template. About the “Stationmaster” by A.S. Pushkin]. In *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 48, 2007, pp. 7–19. München. (In Russ.)

Leshkovich, Ya. V Rige ubrali pamyatnik russkomu poehtu Pushkinu [A monument to the Russian poet Pushkin was removed in Riga]. In *Novaya gazeta. “Baltiia”, 2023*. URL: <https://novayagazeta.ee/articles/2023/05/30/v-rige-ubrali-pamiatnik-russkomu-poetu-aleksandru-pushkinu-poka-pamiatnik-otpravili-na-sklad-news> (In Russ.)

Lotman, Yu.M. Izbrannye stat'i v 3-kh t. [Selected articles in 3 volumes]. Vol.1, Tallinn, 1992, pp. 200–222. (In Russ.)

Mann, T. Iskusstvo romana / tsitiruetsya pis'mo L.N. Tolstogo k P. D. Golokhvastovu ot 10 aprelya 1873 goda [The Art of the novel. L.N. Tolstoy's letter to P.D. Golokhvastov dated April 10, 1873 is quoted]. In Tolstoi L.N. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Vol. 62 – Moscow : Goslitizdat Publ., 1953, pp. 22. (In Russ.)

Myasnikova, K.A. Fenomen Erinnerungskultur v Germanii: stanovlenie, istoriya razvitiya, aktual'noe sostoyanie [The phenomenon of Erinnerungskultur in Germany: formation, history of development, current state]. In *Kul'tura i tsivilizatsiya*. Vol. 12, no 1A, 2022, pp. 82–92. DOI: 10.34670/AR.2022.57.95.009 (In Russ.)

Pushkin, A.S. Evgenii Onegin [Evgeny Onegin]. In *Sobranie sochinenii v desyati tomakh. T. 4 / pod obshchei redaktsiei D.D. Blagogo, S.M. Bondi, V. Vinogradova, YU.G. Oksmana* [Collected works in ten volumes / under the general editorship of D.D. Blagogo, S.M. Bondi, V. Vinogradov, Yu.G. Oxman]. Moscow, Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1960. 595 p. (p. 39). (In Russ.)

Pushkin, A.S. Stikhotvorenie; Ruslan i Lyudmila; Skazka o spyashchei tsarevne i semi bogatyryakh [Poem; Ruslan and Lyudmila; The Tale of the Sleeping Princess and the Seven Heroes]. Moscow, AST: Astrel' Publ. 2008. 141 p. (P. 46). (In Russ.)

Time, G.A. Gete, Pushkin i russkaya mysl': Ambivalentnost' faustovskogo impul'sa v russkoi literature [Goethe, Pushkin and Russian Thought: Ambivalence of the Faustian impulse in Russian literature]. In *A.S. Puškin und die kulturelle Identität Rußlands*. Frankfurt am Main, 2001, pp. 265–273. (In Russ.)

Tolstoj, L.N. *Polnoe sobranie sochinenij, T. 62 : Pis'ma* [Complete Works, Vol. 62 : Letters]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1953. 572 p. (In Russ.)

Fedorov, F.P. Smena kul'turnykh kodov, ili Gete v soznanii Pushkina [The change of cultural codes, or Goethe in Pushkin's mind]. In *Pushkin i mirovaya kul'tura*. Moscow, MGU Publ., 1999, pp. 164–165. (In Russ.)

Khal'bvaks, M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 348 p. (In Russ.)

Shelinger, N.A. Pushkin v nemetskoi demokraticeskoi pečati. (1945–1955) [Pushkin in the German Democratic press (1945–1955)]. In *Pushkin. Issledovaniya i materialy*. Vol. 2, 1958, pp. 461. (515 p.) (In Russ.)

Ehpshtein, M. Faust na beregu morya (Tipologicheskii analiz parallel'nykh motivov u Pushkina i Gete) [Faust on the seashore (Typological analysis of parallel motifs in Pushkin and Goethe)]. In *Voprosy literatury*, no. 6. 1981. pp. 89–110. (In Russ.)

Assmann, J. *Das kulturelle Gedächtnis*. München, Beck, Cop. Publ., 1992. 344 S. (In German)

Bredel, W. Puschkin und Goethe. In *Heute und Morgen*, no. 6, 1949, Ss. 339–343. (In German)

Cornelißen, C. Erinnerungskulturen, Version: 2.0. URL: https://docupedia.de/zg/Erinnerungskulturen_Version_2.0_Christoph_Cornelißen (In German)

Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. URL: <https://www.dwds.de/wb/etymwb/Denkmal> (In German)

Fabian, E. *Von Puschkin bis Gorki*. Schwerin, 1952. 248 S. (In German)

Fliedl, K. Politik und Gedächtnis. Nachwort. In Arthur Schnitzler. *Der Weg ins Freie*. Salzburg, Residenzverlag Publ., 1995, Ss. 447–476. (In German)

Gedächtnis. Frankfurt am Main, Schmidt J. (Hrsg.). Publ., 1991. 18 S. (In German)

Hansen-Löve, A.–A. Grundzüge einer Tanatopoetik. Russische Beispiele von Puškin bis Čechov. In *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 60. München. 2007, Ss. 7–78. (In German)

Harth, D. (Hrsg.). *Die Erfindung des Gedächtnisses*. Frankfurt am Main, 1991. 172 S. (In German)

- Horatius, Q. F. Carmina (Horatius)/ Liber III /Carmen XXX.
URL: [https://la.wikisource.org/wiki/Carmina_\(Horatius\)/Liber_III/Carmen_XXX](https://la.wikisource.org/wiki/Carmina_(Horatius)/Liber_III/Carmen_XXX)
- Huyssen, A. Present Pasts: Media, Politics, Amnesia. In *Public Culture*, 2000, pp. 21–38.
- Ingold, F.P. Über die seltsame Arithmetik der «russischen Seele». Zwei mal zwei gleich fünf. In *Neue Zürcher Zeitung*, 2016 (von 10.01.2016). (In German)
- Kaul, W. Puschkin und die Weltliteratur. In *Rolland von Berlin*. no. 23, 1949, Ss. 12–13. (In German)
- Keil, R.-D. *Mit Adenauer in Moskau. Erinnerungen eines Dolmetschers*. Bonn, Bouvier Publ., 1997. 144 S. (In German)
- Keil, R.-D. *Puschkin: Ein Dichterleben. Biographie*. Frankfurt am Main und Leipzig: Insel Verlag Publ., 1999. 466 S. (In German)
- Kluge, R.-D. Aleksandr Puškin und Goethes «Faust». In *Alexander Puschkin* / Hrsg. U. Lange-Brachmann. Baden-Baden, 1998, Ss. 45–62. (In German)
- Kupferschmidt, H.G. A.S. Puschkin in Deutschland. In *Börsenblatt für den deutschen Buchhandel*. no. 23, 1954, S. 510. (In German)
- Lehmbruck, G.W. Alexander Puschkin. In *Pädagogik*, no. 5, 1949, Ss. 44–47. (In German)
- Leuteritz, G. Alexander Puschkin und die Gegenwart. In *Die Arbeit*. no. 7, Berlin, 1949. S. 304. (In German)
- Nora, P. *The Reasons for the Current Upsurge in Memory*. Europäische Revue 22, 2002.
- Olick, J.-K., Rodemann J. Das soziale Gedächtnis In *Gudehus Ch., Eichenberg A. und Welzer H. (Hrsg.): Gedächtnis und Erinnerung. Ein interdisziplinäres Handbuch*. Stuttgart, Weimar Publ., 2010, Ss. 109–114. (In German)
- Philipsen, B.-Fr. *Christian Philipsen, Thomas Bauer-Friedrich (Hrsg.): Anna Franziska Schwarzbach*. Sandstein, Dresden Publ., 2022. 200 S. (In German)
- Rothberg, M. Multidirectional Memory in Migratory Settings: The Case of Post-Holocaust Germany. In *Cesari de Ch., Rigney A. (Hrsg.) Transnational memory. Circulation, articulation, scales*. Berlin, 2014, Ss. 123–145. (In German)
- Schmid, U.M. Verschütteter Eckstein. In *Neue Zürcher Zeitung*. 20.12.2007 URL: https://www.nzz.ch/verschuetterter_eckstein-1.601347 (In German)
- Steiner, G. Die Erscheinung Puschkin 1799 bis 1837. In *Urania*, no. 7, 1949, Ss. 241–246. (In German)
- Stewart, S. *Objects of desire. Part I: The Souvenir, On Longing: Narratives of the Miniature, the Gigantic, the Souvenir, the Collection*. Durham, London, Duke: University Press Publ., 1993. 232 p.
- Terdiman, R. *Historicizing Memory, Present Past: Modernity and the Memory Crisis*. – Ithaca, Cornell University Press, 1993. 412 p.